

УДК 94(38)

DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.13-24

Этиологические мифы о Геракле и его потомках в VIII–IV вв. до н.э.

Олег Александрович Сурин¹*¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Россия**¹surinoleg02.10.97@mail.ru*

Аннотация. Греки часто включали Геракла в генеалогию аристократических родов, отдельных политиков, других мифологических героев локального значения. Геракла считали основателем целого ряда полисов и колоний, греки называли его прародителем скифов, этрусков и прочих народов. Новые этиологические мифы, связанные с ним, появлялись на протяжении всей античности. В данном исследовании анализируются место и роль этиологических мифов, связанных с Гераклом, в исторической памяти древних греков, а также механизмы их ввода в историческую память. Цель исследования – выявить практики ввода новых этиологических мифов о Геракле в историческую память древних греков. Актуальность исследования связана с отсутствием работ по исследованию механизмов влияния на историческую память в Древней Греции.

В ходе проведённого исследования следует сказать, что новые этиологические мифы о Геракле вводились через практики народных собраний, выступлений перед публикой, присущих полисной структуре греческого мира. Оракулы могли закреплять новые этиологические мифы через предсказания. Помимо этого, новые этиологические мифы о Геракле появлялись и по «естественным причинам»: через объяснение греками окружающего мира, в частности, через описание греческими колонистами ранее неизвестных территорий и народов, их мифологии, образа жизни, включение этих знаний в греческие представления о мире.

Ключевые слова: Геракл, этиологические мифы, генеалогическая традиция, историческая память, древнегреческая мифология, рационализация мифов, дипломатия родства

Для цитирования: Сурин О.А. Этиологические мифы о Геракле и его потомках в VIII–IV вв. до н.э. // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 13–24. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.13-24

Геракл – популярный герой древнегреческой мифологии, которому было посвящено множество культов. Его упоминание можно найти в греческой трагедии, эпосе, топонимике, изображения с ним встречаются по всей греческой ойкумене. Нет удивительного в том, что Геракл часто использовался в качестве предка в этиологических мифах. Мифы о происхождении, связанные с Гераклом, обладают рядом особенностей, что выделяет их среди остальных этиологических мифов в древнегреческой культуре. Данное исследование посвящено практикам ввода новых этиологических мифов о Геракле и его потомках в исторической памяти древних греков, а также их роли в древнегреческой культуре. Цель исследования – выявить практики ввода новых этиологических мифов о Геракле в историческую память древних греков.

В исследованиях Геракла одним из важнейших вопросов является сущность Геракла, вопрос о том, кем же он является. Уже в античности были разные взгляды на природу Геракла либо как на бога, либо как на смертного человека [14, с. 524]. Древние авторы считали, что существовало несколько Гераклов. Например, Диодор Сицилийский сообщает о трёх Гераклах (Diod. Sic. III. 74), а римский писатель Варрон доводит их число до сорока трёх (Servianorum in Vergili Carmina Commentariorum. VIII. 564). Геродот (Hdt. II. 43–44) также писал о нескольких Гераклах (1, 33–34). Связанно это с большим распространением культа Геракла, увеличением его атрибутов и т.д. В разных местностях Геракл по-разному воспринимался, связывался с местными божествами, героями. Например, его сопоставляли с богом финикийского Тира Мелькартом [1, с. 34]. П.Г. Аграфонов считает, что в культ Геракла вошли мифы и представления о Гильгамеше [1, с. 34]. Для меня это кажется хоть и не невозможным, но не убедительным. Ибо Аграфонов допускает некое слияние Геракла и Гильгамеша на схожести двух персонажей и их мифологий. Но схожесть не является показателем влияния или доказательством, что образ одного мифологического персонажа оказал в той или иной степени влияние на другой. В греческой мифологии есть немало других похожих на Геракла героев, как например Тесей, которые не сливались с Гераклом в одного персонажа.

Причиной представлений о нескольких и даже множестве Гераклов является его большая популярность, наличие целого ряда различных мифологических сюжетов, с ним связанных [7, с. 3–25]. В свою очередь, его популярность объясняется следующими причинами. Во-первых, часто Геракл выступает как сын Зевса, наиболее прославившийся среди детей Кронида своими подвигами и силой. Связь с Зевсом, верховным олимпийским богом, могла способствовать большей популярности Геракла в сравнении с другими героями [4, с. 367–378].

Во-вторых, Геракл является так называемым «странствующим персонажем» [12, с. 419], который как, к примеру, Одиссей, посетил немало мест в ойкумене и побывал на её окраинах. Последнее обстоятельство способствовало тому, что местные локальные культы Геракла, связанные с определённой территорией, были в разных частях Средиземноморья и по берегам Чёрного моря: от Геракловых столпов до Кавказа (не говоря об эллинистической эпохе, когда греческая ойкумена простиралась далее на восток).

В-третьих, Геракл ассоциировался греками с божествами и персонажами из других культур, которые могли быть достаточно разными [7, с. 3–25]. Для греческих авторов, в частности для Геродота, при описании негреческих народов характерно упоминание именно греческих названий богов, с которыми греки могли соотносить иноплеменных божеств [8, с. 473–474]. Как показал Э.Д. Бикерман, в греческом историописании история и происхождение негреческих народов встроены в греческую генеалогическую систему, в которой объясняется, как появился тот или иной народ и как он получил своё название. Естественно, сведения представителей этих народов обычно не учитывались [10, с. 65–81], хотя греческие авторы и могли их указывать в своих работах. Например, Геродот сначала передаёт скифскую версию появления скифского народа и только затем греческую (Hdt. IV. 5–10). В целом, греки смотрели на мир с эллиоцентричных позиций [12, с. 429]. Персонажей иных культур греки соотносили с Гераклом на основании схожести их или их атрибутов с Гераклом или некоем совпадении преданий о них с рассказами о Геракле. Сопоставление Геракла с персонажами иных культур, введение их мифологических сюжетов в греческие представления расширяло образ Геракла, делало

его слишком переполненным сюжетами, событиями, атрибутами. Это в конечном итоге вызвало размывание его образа, разделение Геракла на несколько персонажей у ряда авторов и в ряде культов [12, с. 429].

При этом, нет уверенности в единости Геракла в греческой культуре и в раннюю эпоху. Древнегреческая религия обладала особенностью локальности культов, что вытекало из специфики географии расселения греческого народа. Изрезанная горами и морем Эгеида благоволила обособленности культовых представлений, развитию разности образа Геракла в разных частях эллинского мира. Греческая колонизация привела к тому, что, как выразился Платон в «Федоне», греки расселились вокруг нашего моря (т.е. Средиземноморья), как лягушки вокруг болота (Pl. Phaedo. 109b). Ареал греков увеличился в огромных масштабах, что означало их контакты с новыми культурами и взаимодействие с их мифологией.

Локальность культов приводила к разнообразию атрибутов у локальных вариаций богов, возможных особых обрядов, традиций почитания, а самое главное для данного исследования – разных вариантов легенд о божестве или местных, завязанных на определённой области, представлений. К примеру, различные местные культы Зевса и Диониса описал в «Дионисе и прадионисийстве» В.И. Иванов [3, с. 17–33]. Более того, в разных частях греческого мира в архаическую и классическую эпохи эволюция этих местных культов могла происходить по-разному, обрастая новыми мифологическими сюжетами, в дополнение к старым, также продолжавшим своё развитие. Из-за этого мифологическая история одного бога или героя в разных полисах и территориях могла отличаться, приводя к противоречиям при их сравнении. Так, на Крите были представления о Геракле как воспитателе Зевса, а не наоборот, как о сыне последнего. А.Р. Подопригра считает, что этот сюжет является местным локальным развитием представлений о Геракле [7, с. 26–59]. Геродот также обратил на внимание на это, заявляя, что правы те эллины, которые почитают Геракла как бога и как человека (Hdt. II. 44), т.е. как двух разных персонажей.

Помимо локальности, древнегреческая религия и мифология обладали ещё одной особенностью, которую мы можем наблюдать

уже у Гомера. Это тенденция к панэллинству [5, с. 60]. Процесс становления как общеэллинской идентичности, так и общедорийской и общеионийской идентичностей привёл к некоей стандартизации, структурированию определённых культов, что мы можем назвать олимпийской религией. По-видимому, осознание общегреческой идентичности было и до архаической эпохи и вряд ли когда-либо отсутствовало. Но ранее не было такого уровня коммуникаций, позволявших поддерживать постоянные контакты между разными частями греческого мира, которые бы не размывали греческую мифологию на отдельно развивающиеся части. В любом случае, тенденция к панэллинству не уничтожила локальные культы, а продолжила сосуществовать с тенденцией к локальности, тесно с ней взаимодействуя. В сфере культов она приводила к разнообразию в том, что ранее называли «народной религией» [6, с. 5–190].

Представленные четыре фактора являются основными причинами разделения в античности Геракла на несколько персонажей, как на богов, так и на людей.

В рамках исследования этиологических мифов необходимо проанализировать феномен генеалогических преданий. Следует сказать, что генеалогические традиции играли в древнегреческой культуре существенную роль, что связано как с активностью аристократии, так и с феноменом гражданства в полисе.

Для аристократии происхождение от бога или героя было важно для доказательства аристократичности и благородности своего рода, его престижа, а также для политических целей [9, с. 395–409]. К таковым политическим целям относятся развязывание войны из-за отсылки на то, что территорией, которую хотят захватить, обладали предки захватчиков и она им принадлежит по праву, прошение защиты и заключение политического союза, что также объясняется прошлым, действиями предков, и так далее [12, с. 426–427]. Этот феномен в древнегреческой политической практике, достигший своего пика в эллинистический период, К. Джонс назвал “Kinship Diplomacy”, т.е. «дипломатией родства» [11, с. 1–193].

Касательно демоса, то генеалогия была необходима для доказательства наличия гражданства, если возникали какие-либо юридические споры и подозрения. Особенно это было актуально для

Афин, в которых был один из самых строгих законов о гражданстве. Таким образом, в древнегреческой культуре была постоянная подпитка для развития генеалогических традиций в разных слоях общества.

Популярный Геракл и древнегреческая генеалогическая традиция не могли не соединиться, что привело к тому, что Геракл стал востребованным персонажем в этиологических мифах разных видов. Существующие этиологические мифы, связанные с Гераклом, можно разделить на три группы: первая – возведение происхождения рода/династии к Гераклу; вторая – возведение происхождения народа/племени к Гераклу; третья – признание основателем колонии/полиса Геракла. Все эти три группы этиологических мифов приводили к использованию их в «дипломатии родства». Л. Паттерсон показал, что данные этиологические мифы работали не просто из-за признания реальности Геракла, а ещё и из-за признания того, что действия, совершённые им или его ближайшими потомками в «век героев» по Гесиоду (Hes. Op. 157–173), продолжали влиять на мир в последующем, в том числе, в архаическую, классическую и эллинистическую эпохи [12, с. 419].

Переходя к проблеме ввода новых этиологических мифов о Геракле в историческую память, следует задать следующие вопросы. Какие механизмы позволяли вводить новые этиологические мифы в историческую память? Как этиологические мифы могли менять исторические представления? По какой причине в этиологические мифы верили и на кого они ориентировались? Последний вопрос можно соотнести с дискуссией гиперкритиков, полностью отвергавших возможность реальности того, что рассказывается в греческих легендах. И если предположить, что новые генеалогические представления о Геракле выдумывались, то как тогда они вводились в историческую память? На эти вопросы представляется необходимым дать ответы.

Этиологические мифы в целом, и о Геракле в частности, ориентировались на разную аудиторию. Как показал Л. Паттерсон, миф о возвращении Гераклидов и отвоевании ими совместно с дорийцами Пелопоннеса служил для легитимации власти Спарты над Мессенией [12, с. 425–426]. На мой взгляд, ориентировался данный миф как на греческую политическую элиту, так и на про-

стой демос. Через греческую политическую элиту обеспечивалась легитимация власти Лакедемона над Мессенией на общегреческом уровне. Из-за характера полисного устройства демос в народном собрании, особенно в демократических полисах, также мог оказывать влияние на внешнюю политику, что и делает возможным ориентирование мифа о Гераклидах в Спарте и на демос прочих греческих полисов.

Следует понимать, что не все этиологические мифы могли быть выдуманы некими мифографами ради пропагандистских целей. В устной среде в исторической памяти могли существовать местные локальные представления о Геракле, что обеспечивалось его популярностью и его странствиями по ойкумене в преданиях. И этиологические мифы лишь актуализировали эти представления в политической практике. Возможно, что сами мифографы и политики в них верили.

Странствующий характер Геракла как героя обеспечивал создание новых этиологических мифов при заселении греками новых земель, что при анализе этногенетических мифов о скифах у Геродота показала М.В. Скржинская [8, с. 374–375]. Миф о происхождении скифов от Геракла появился не из-за пропаганды Ольвии, а из-за мифологического мышления греков. Благодаря генеалогическому взгляду на происхождение народов, греки в коллективном творчестве создали миф на основании того, что Геракл оказался в Скифии ища своих лошадей и встретился здесь с полу-женщиной-полузмейй (Hdt. IV. 5-10), возможно, местной богиней [8, с. 374–375]. Необходимо признать, что понятие «коллективное творчество» достаточно размыто и трудно проверяемо. В данном случае, подразумевается, что миф сложился на основании передачи информации об окружающем мире внутри общества греческих колонистов и его «житейском оценивании» на основании греческого взгляда на мир. Под «житейским оцениванием» следует понимать способ объяснения окружающего мира через жизненный опыт, пережитый людьми, и наложение знаний о новых народах, территориях и т.д. на привычные для данной культуры устойчивые сюжетные формы и объяснительные модели. При этом, при таком объяснении окружающего мира не происходило демифологизации и рациональной критики данных этиологических сюжетов. К при-

меру, как та же Скржинская доказала, что греческая версия о появлении скифов по структуре похожа на ионийские генеалогические мифы [8, с. 374]. Возможно, описанный процесс длился не одно поколение, но в итоге привёл к появлению этиологического мифа о связи скифов и Геракла.

Полисное устройство эллинского мира означало большее взаимодействие власти и общества, а в ряде полисов и сильное влияние демоса на принятие политических решений. Народные собрания, публичные выступления и, связанная с ними, важность ораторского искусства обеспечивали распространение информации в основном в устной среде, чем в письменной. Это также обеспечивалось небольшим населением в полисах, даже в Афинах и Лакедемоне. И именно на народных собраниях, на заседаниях суда и даже в скоплении толпы могли вводиться новые этиологические мифы. Примерами служат знаменитая надгробная речь Перикла у Фукидида (Thuc. II. 35-64) и подобная же речь у Аспазии в «Менексене» Платона. Эти речи показывают, что через них могла проводиться пропаганда ради политических целей тех или иных групп или же оратор мог использовать такие приёмы, позволявшие вызывать у толпы какие-либо эмоциональные отклики. К примеру, в «Менексене» говорится, что афиняне являются истинными эллинами, не имеющими среди предков варваров Дана и Пелопса (Pl. Menex. XVII). На данном примере видно, как через подобные речи могла конструироваться групповая идентичность. Постоянное упоминание фактов об исключительности афинян могло стать для них обыденностью, чем-то собой разумеющимся. Тоже могло происходить и с этиологическими мифами о Геракле и его потомках.

Интересный сюжет есть у Плутарха, повествующий о том, как Солон доказал спартанским третейским судьям, что Саламин должен отойти Афинам. Сделал он это, вставив в «Илиаду» свой стих и сославшись на него [1, с. 72]. Также, в качестве практики ввода новых этиологических мифов в историческую память могли служить оракулы, в первую очередь Дельфийский. Естественно, такие практики по вводу этиологических мифов могли использоваться и по отношению к этиологическим мифам о Геракле и его потомках.

Ещё одной интересной практикой ввода этиологических мифов о Геракле в историческую память является древнегреческий театр. Трагики хоть кардинально и не меняли мифологические сюжеты, бывшие основой для трагедий, но могли использовать такие эпитеты или акцентировать внимание на определённых сюжетах так, что можно было их интерпретировать как часть «дипломатии родства». К примеру, Еврипид в трагедии «Гераклиды» обращает внимание на благородство афинян, которые, несмотря на грозную силу Еврисфея, защитили юных детей Геракла от обиды (Eur. Heracl. 296–328). Возможно, здесь Еврипид намеревался показать как благородство афинян, так и обязанность спартанских басилеев перед Афинами. Так, о связи политических событий V в. до н.э. с причиной написания «Гераклидов» пишет Дж.А. Спрэнджер [13, с. 117–128]. Это показывает, что этиологический миф о Гераклидах в Спарте использовался для современных Еврипиду политических целей.

В любом случае остаётся вопрос о том, как признавали новые этиологические мифы о Геракле и его потомках достоверными. Очевидно, на полисном уровне это более-менее понятно. Чем чаще о чём-то заявляют на публике, тем больше это становится правдой. Но на общегреческом уровне, где существовали различные этиологические традиции, множество порой противоречащих друг другу генеалогических преданий, признание греками мифов о происхождении достоверными является исследовательской проблемой. Даже у поздних авторов, по типу Псевдо-Аполлодора, проводившими редакцию своих текстов и старавшимися сводить генеалогию в единую структуру, присутствуют ссылки на разные версии о происхождении тех или иных богов и героев. На мой взгляд, в архаическую и классическую эпохи на общегреческом уровне в этиологических мифах была ситуация, чем-то напоминающая наличие множества истинных мощей святых в средние века, когда, для примера, у Иоанна Крестителя могло быть семь подлинных голов и т.д.

Нельзя утверждать, что в этиологические мифы верили все и верили в каждый. Тот же Геродот, пересказывая миф о происхождении скифов от Геракла, относится к нему с недоверием (Hdt. IV. 11). Но в целом, ссылка на этиологические мифы могла играть

решающую роль при конструировании групповой идентичности и во внешнеполитических целях. Особенно, если это подкрепляется словами какого-либо из оракулов. Также, с течением времени одна из множества версий этиологических мифов могла одерживать верх над другими и входить в письменный нарратив, как это при анализе развития эпоса показал Г. Надь [5, с. 111].

Заключая, следует сказать, что при рационализации представлений о Геракле, его биографии, деяниях, о том, предком кого он был, античные авторы столкнулись с проблемой слишком большой разницы разных сюжетов и этиологических мифов о нём. Популярность Геракла, его соотношение с другими мифологическими персонажами привели к его вводу во множество этиологических мифов разных типов. Практики ввода новых этиологических мифов были разными. В основном, они проводились через практики народных собраний, выступлений перед публикой, присущие полисной структуре греческого мира, а подкреплялись словами оракулов. Также, новые этиологические мифы о Геракле появлялись по «естественным причинам», через описание окружающего мира, особенно неизвестных территорий и народов, их мифологии. В конечном итоге, и так переполненный различными сюжетами Геракл у ряда авторов, его рационализировавших, распался на несколько или множество персонажей, каждый из которых отражал различные этиологические традиции, оказывая таким образом влияние на исторические представления и на культы.

Библиография

1. Аграфонов П.Г. Многоликий Геракл // Ярославский педагогический вестник = Yaroslavl pedagogical bulletin: научный журнал. Ярославль: РИО ЯГПУ, 1998. № 3 (15). С. 33–38.
2. Александрова О.И. Обоснование Афинами законности вывода колоний в VI–IV вв. до н.э. // Псковский военно-исторический вестник. 2016. № 2. С. 72–78.
3. Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. СПб.: Изд. Алетей, 1994. 350 с.
4. Макаров И.В. Историко-мифологическое предание о возвращении Гераклидов // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб.: Изд. СПбГУ, 2007. № 6. С. 367–378.
5. Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М.: Изд. Прогресс-Традиция, 2002. 432 с.
6. Нильссон М. Греческая народная религия. СПб.: Изд. Алетей, 1998. 240 с.

7. Подопригова А.Р. Образ Геракла в контексте этнополитической истории Средиземноморья II тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2005. 203 с.
8. Скржинская М.В. Происхождение двух этногенетических мифов в скифском логосе Геродота // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб.: Изд. Наука, 2011. С. 469–476.
9. Суриков И.Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I). М.: Изд. Языки славянской культуры, 2015. 722 с.
10. Bickerman E.J. *Origines Gentium* // *Classical Philology*. Chicago, The University of Chicago Press, 1952. Vol 47. № 2. Pp. 65–81.
11. Jones C.P. *Kinship Diplomacy in the Ancient World* Cambridge, Harvard University Press, 1999. 208 p.
12. Patterson L.E. Heracles as Ancestor // *The Oxford Handbook of Heracles*. Oxford, Oxford University Press, 2021. 608 p.
13. Spranger J.A. The Political Element in the Heracleidae of Euripides // *The Classical Quarterly*. Vol. 19. Issue 3-4. 1925. Pp. 117–128.
14. Suhr G.E. Heracles and Omphale // *American Journal of Archaeology*. Chicago, The University of Chicago Press, 1953. Vol. 57. № 4. Pp. 251–263.

Автор публикации:

Сурин Олег Александрович, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. Институт международных отношений, кафедра археологии и всеобщей истории. +79600568354, surinoleg02.10.97@mail.ru.

Etiological myths about Heracles and his descendants in VIII-IV BC

Surin O.A.

Abstract. The Greeks often included Heracles in the genealogy of aristocratic families, individual politicians, and other mythological heroes of local significance. Heracles was considered the founder of a number of policies and colonies, the Greeks called him the progenitor of the Scythians, Etruscans and other peoples. New etiological myths associated with his have appeared throughout antiquity. This study analyzes the place and role of the etiological myths associated with Heracles in the historical culture of the ancient Greeks, as well as the mechanisms of their entry into historical culture. The purpose of the study is to identify the practices of introducing new etiological myths about Heracles into the historical culture of the ancient Greeks. The relevance of the study is due to the lack of research on the mechanisms of influence on historical culture in ancient Greece.

In the course of the conducted research, it should be said that new etiological myths about Heracles were introduced through the practices of popular assemblies, speeches to the public, inherent in the polis structure of the Greek world. Oracles could consolidate new etiological myths through predictions. In addition, new etiological

myths about Heracles appeared for “natural reasons”: through the explanation of the surrounding world by the Greeks, in particular, through the description by Greek colonists of previously unknown territories and peoples, their mythology, way of life, the inclusion of this knowledge in Greek ideas about the world.

Keywords: Hercules, etiological myths, genealogical tradition, historical memory, ancient Greek mythology, rationalization of myths, kinship diplomacy

For citation: Surin O.A. Etiological myths about Heracles and his descendants in VIII-IV BC. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2022;42(1): 13–24. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.13-24

Publication author:

Surin Oleg Aleksandrovich, Kazan Federal University, Kazan, Russia. Institute of international relations, +79600568354, surinoleg02.10.97@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 15.01.2022
Принята к публикации / Accepted 10.02.2022